

УДК 130.2:81'25

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭРРАТОЛОГИИ**ЕРОФЕЕВ Андрей Александрович**

аспирант

Научный руководитель: **ИВЛЕВА Алина Юрьевна**

доктор философских наук, профессор

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук

при Правительстве Республики Мордовия

г. Саранск, Россия

Статья посвящена рассмотрению переводческих ошибок как маркеров несовпадений картин мира, проявляющихся в результате интерпретационной практики. Лингвокультурологический подход определяет ошибки как системные феномены, изучение которых позволяет выявить имплицитные культурные коды, изучить языковую личность переводчика и культурное пространство текста. Ошибки маркируют культурные расхождения не только между языками, но и между автором и переводчиком, вступающими в своеобразную интеракцию.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурное пространство текста, интерпретация, эрратология, картина мира, языковая картина мира, языковая личность, тезаурус.

С традиционной точки зрения неточности и ошибки в тексте перевода воспринимаются как нежелательные отклонения от норм эквивалентности. Однако лингвокультурологический подход предлагает иную парадигму, интерпретируя их как системные феномены, обладающие диагностическим потенциалом. Особую значимость эта концепция приобретает при работе с художественными текстами, где культурное пространство отличается особой плотностью и многослойностью.

Актуальность исследования обусловлена интенсивным развитием межкультурной коммуникации в глобализирующемся мире, где объем переводной продукции возрастает, а сам перевод начинает восприниматься как истолкование, осуществленное в определенной онтологической модели. Развитие теории анализа текста перевода как явления культуры требует разработки новых инструментов декодирования культурных контекстов. Использование достижений эрратологического анализа, который фокусируется на интерпретации ошибок, в нашем представлении, позволяет выявлять имплицитную культурную информацию.

Целью работы является разработка и применение аналитического инструментария для анализа трансформации культурного пространства текста при межкультурном переносе текста на материале ошибок художественных переводов.

В качестве метода исследования культурного пространства нами выбран анализ языковой личности в ее реализации в виде ошибок и неточностей, вызванных, в первую очередь, несовпадениями картин мира, лакунарности представлений принимающей культуры.

Теоретической основой исследования стали работы таких ученых, как А. Ю. Ивлева, В. В. Воробьев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Р. В. Псху, Ю. Н. Караулов и др.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: систематизировать теоретические положения изучения культурного пространства текста; доказать взаимосвязь неточностей перевода и картины мира; переосмыслить существующую теорию ошибок с акцентом на функциональной значимости переводческих неточностей; предложить проект эрратологического анализа пространства текста перевода через анализ языковой личности переводчика.

Основная часть: перевод как интерпретативная практика

Текст в культурном измерении немислим без своих контекстуальных связей. Все связанные с текстом внешние аспекты определённым образом выстраи-

ваются вокруг него в результате преломления через восприятие мира конкретного писателя, образуя культурное пространство текста [10, с. 121; 9, с. 42]. Теоретическое осмысление категории «пространства» в культурологии состоит в представлении его как некой среды, в которой взаимодействуют различные смысловые пласты и которая вмещает текст, соединяя его фактологический, концептуальный и имплицитный (подтекстовый) уровни воедино [10, с. 122].

Культурное пространство текста можно представить так же как систему картин мира: (культурная) картина мира автора и реципиента, которые, в свою очередь, включают наивную, художественную картину мира, картину мира эпохи и др. [8, с. 5]. Картина мира выступает ключевым элементом осмысления человеческой природы, воплощая индивидуальность его бытия и формируя цельный, всеобъемлющий образ реальности, который рождается из всей духовной практики человека. Культурную картину мира можно воспринимать как такой определенный способ восприятия и освоения мира, который имеет воплощение в художественных образах, философии, мировоззрении, языке и т.д.

Особенность культурологического подхода заключается в рассмотрении понятия «картина мира» как феномена объектно-субъектной природы, который включает не только рациональное осмысление действительности, но и художественно-образное, эмоционально окрашенное представление о мире и роли человека в нём, то есть процесс формирования картины мира регулируется не только логико-рациональными, но и эстетическими принципами [19, с. 151-152]. По мере того как произведение отдаляется во времени от момента своего создания, оно подвергается всё большему количеству переосмыслений и интерпретаций. Актуализируясь в момент прочтения, произведение становится для читателя документом, характеризующим его собственную эпоху, читатель привносит в культурное пространство текста себя [8, с. 12.].

Интеграция методологического инструментария культурологии и лингвистических методов, позволяющих изучать культурное пространство текста через анализ закреплённых в языковой системе мировоззрения и частной картины

мира, отраженной в тексте., реализуется в рамках лингвокультурологии [2, с. 218]. В этой научной парадигме язык рассматривается как главное средство выполнения культурой её функций, то есть одновременно как способ «накопления и хранения информации», так и инструмент «освоения и преобразования окружающего мира; обмена социально значимой информацией (коммуникативная функция); моделирования картины мира» [16, с. 31]. И. А. Стернин и З. Д. Попова отмечают, что формирование языковой картины мира происходит за счет комплекса номинативных компонентов языка, куда входят лексемы, фразеологизмы, лакуны (отсутствие номинаций), а также через отбор лексико-фразеологических единиц, релевантных в рамках коммуникативного процесса с опорой на применение образно-выразительных средств языка [20, с. 64]. Языковая картина мира, закреплённая в сознании индивида, доминирует в его когнитивной системе, и полностью освободиться от неё невозможно. В то же время в ее рамках существует определенное пространство для вариативности, которое и выступает основой индивидуальности языковой личности [7, с. 15].

В представлении Ю. Н. Караулова языковая личность – это «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [12, с. 38]. Поскольку язык отражает основы культуры, а языковая деятельность индивида репрезентирует их взаимосвязь, речевые практики становятся механизмом генерации новых культурных контекстов. При этом создание таких контекстов осуществляется в пределах индивидуальной погруженности в содержание культуры [23, с. 188].

В рамках антропоцентрической парадигмы лингвокультурология сосредоточена субъекте познания, то есть обращается к человеческому, личностному фактору в языке. Однако, поскольку индивидуальные способы восприятия и языковой репрезентации мира опираются на типичные представления, их анализ позволяет выйти на более широкий уровень дешифрования социальных и культурных смыслов [14, с 95]. Феномен языковой личности носит двойственный ха-

ракти, поскольку с одной стороны, он представляет собой социально детерминированное явление, с другой, включает в себя индивидуально-специфические характеристики (личностный компонент) [17, с. 84].

Для описания языковой личности Ю. Н. Караулов предлагает следующий алгоритм действий:

1) анализ семантико-строеного уровня, что включает либо полное описание языкового строя, либо дифференциальное описание, то есть фиксирующее индивидуальные отличия (идиолектальные особенности);

2) реконструкция языковой картины мира, которая понимается как тезаурус, составляемый на основе созданных текстов;

3) выявление мотивационно-ценностных доминант личности (установок, мотивов, жизненных ориентиров), проявляющихся в создании и восприятии текстов [12, с. 43].

Стоит отметить, что ключевую роль в формировании языковой личности играет тезаурус, поскольку именно на лингво-когнитивном (тезаурусном) уровне проявляется готовность личности извлекать и перерабатывать ключевую информацию из текстов, придавать высказываниям модальность, развёртывать аргументацию, импровизировать в речи, реализовывать информирующую и оценочную передачу содержания чужой речи, пользоваться внутренней речью, рефлексировать о фактах родного языка, создавать генерализованные высказывания. Всё это тесно переплетается с такими коммуникативными навыками как умением учитывать фактор адресата, оперировать разными подъязыками и регистрами, работать с прецедентными текстами, тропами, крылатыми словами [12, с 53-62].

Итак, окружающий нас мир находит своё отражение в языковых единицах и текстах, которые мы создаём при помощи языка, образуя тем самым языковую картину мира. Иначе языковую картину мира можно понять как совокупность знаний о реальности, закреплённую в языковых структурах. Ценностные ориен-

тиры, заложенные в тексте, отражают специфику мировосприятия, принятых социальных норм, в то время как лингвистические средства выступают проводниками культурных смыслов, образуя сложную сеть взаимосвязанных элементов. Изучение культурного пространства текста проходит в области лингвокультурологии и предполагает исследование частной картины мира, отраженной в тексте. В тезаурусе языковой личности пересекаются социальные нормы языка и индивидуальные языковые компетенции. Языковая индивидуальность реализуется через выбор и творческую реализацию лингвистических средств. Анализ личностных, особенных способов восприятия, интерпретации и конструирования реальности способствует пониманию социальных и культурных смыслов.

Взаимосвязь эратологии, лингвистики и изучения культурного пространства текста

В нашем представлении, морфирующийся характер культурного пространства особенно ярко проявляется в переводческих практиках, где происходит столкновение разных культурных парадигм. Переводческая деятельность с этой научной позиции предстает как «фактическое выражение осуществленного истолкования или закрепления понятого смысла оригинального текста, осуществляемого в определенном онтологической модели, заданной тем или иным языком.» [22, с. 48]. Переводчик не просто передает какую-то информацию на другом языке, но, вступает в диалог культур, перекодируя текст на ту систему понятий, которая существует в его сознании. Анализ характеристик языковой личности, проявляющейся в языковых практиках, проходит в контексте культуры и связан с выявлением глубинных культурных структур.

Взаимосвязь языка и культуры создает основу для анализа неточностей в переводе как фактов лингвокультурных несоответствий текстов. Так, например, Е. В. Мордовская отмечает, что многие неточности в переводе возникают из-за несовпадения культурно-когнитивных пространств [18, с. 5]. Культурные пласты накладываются, совмещаются между собой, но получающаяся в итоге целостная картина не совпадает с оригинальной.

В нашем представлении, текстовые ошибки и переводческие неточности дают яркое представление о тезаурусе языковой личности. Ошибки и неточности перевода всегда воспринимались крайне отрицательно, поскольку препятствовали адекватной передаче смысла. Эпоха Возрождения и Просвещения привнесла антропоцентрический подход, рассматривая ошибки как проявление индивидуальных особенностей мышления. Неточности, вносимые в текст, иногда носили характер улучшений [6, с. 54]. Изучение ошибок долгое время оставалось фрагментарным и несистематизированным, и лишь во второй половине XX века благодаря развитию лингвистики текста и психолингвистики началось формирование эрратологии как самостоятельной и системной дисциплины. Современные исследователи рассматривают ошибки в контексте когнитивных процессов и межкультурной коммуникации. Это позволило переосмыслить роль ошибок как значимых элементов языковой системы [24, с. 112-113].

Стоит также отметить, что текстовые ошибки могут рассматриваться в лингвистике как языковые аномалии, из-за наличия которых текст получает статус «дефектного» или «девиантного» [21], а в культурологии как явления намеренного или случайного изменения текста (в первую очередь речь идет о тех типах текста, которые представляют историческую значимость – рукописи, списки и т.д.) [11].

А. Б. Шевнин определяет эрратологию как теорию переводческих несоответствий [24, с. 113]. Причинами переводческих ошибок Н. К. Гарбовский указывает недостаточное владение языком оригинала, недостаток знаний об описываемых событиях, непонимание смысла исходного текста, игнорирование особенностей индивидуального стиля автора оригинала [3, с. 514]. Методология эрратологического анализа базируется на строгих лингводидактических критериях выявления и классификации ошибок. Эрратологический подход выявляет, как нарушения языковых норм отражают конфликт ценностных систем в процессе

межкультурной коммуникации, поскольку ошибки переводчика часто возникают при несоответствии семиотических координат исходного и принимающего культурных пространств [4; 25, p. 255; 1, с. 2; 13, с. 4-5].

По нашему мнению, методология анализа переводческих ошибок, выработанная система их категоризации, значительное количество практических эрратологических исследований переводов текстов могут быть адаптированы для культурологического исследования текста перевода как результата интерпретационной практики. Переводческие ошибки выступают при таком подходе диагностическим инструментом для выявления межкультурного взаимодействия. При этом, переводческие трансформации, а также неточности не отличаются по своей сути от ошибок, поскольку все они обусловлены наложением друг на друга разнородных культурных пространств в процессе межъязыковой передачи. С точки зрения переводоведения, трансформации – это механизмы создания эквивалентности, в то время как с точки зрения культурологии перед нами два текста, различия которых обусловлены переносом текста из одной лингвокультуры в другую, а если быть еще конкретнее – из культурного пространства создателя текста в культурное пространство переводчика. Текст раскрывается перед своим интерпретатором только в том культурном срезе, который оказывается ему доступен. В ситуации, когда учтены особенности стиля текста, использованы стратегии компенсации культурной и ценностной составляющей текста, различия между текстами, абсолютная точность невозможна, и при сравнении эти несоответствия будут присутствовать и будут видны при анализе. Таким образом, отличие культурологического подхода к исследованию ошибок перевода заключается не в поиске эквивалентности, но в исследовании картин мира в их несоответствии.

В качестве примера исследования картины мира через анализ идиолектной языковой личности попробуем разобрать отрывок из перевода романа Д. Коупленда *Microserfs*, созданного в 1995 году и посвященного образу жизни и работе специалистов IT-сферы:

I walked by Michael's office around sundown, just before I left for home for a shower and a snack before coming back *to stomp the bugs*. He was playing a game on his monitor screen I'd never seen before [26, p. 23].

Приведем перевод данного отрывка из текста, вышедшего в 2004 году:

На закате, перед тем как съездить домой, принять душ, перекусить и вернуться обратно *отлавливать вшей*, я проходил мимо офиса Майкла. Бросив взгляд на его монитор, я заметил, что он играет в игру, которой раньше я не видел [15, с 32].

Выделенная шрифтом единица анализа примечательна тем, что, в нашем представлении, появлению в тексте этой ошибки способствовало множество факторов. Начнем с того, что на начало нулевых годов представление общества о профессии «программиста» все еще оставалось крайне размытым. Несмотря на престиж занятия и стремительное развитие информационных технологий, порог вхождения в эту сферу оставался высоким, при этом преимущественно в ней были заняты мужчины (<https://news.mail.ru/society/43298033/>). В рабочей среде персональные компьютеры использовались в основном для работы с текстами, домашние устройства только начинали внедряться, и пользователи в большинстве обходились базовым набором программ (вроде MS Word или Excel). Установка дополнительного обеспечения и даже выход в интернет было занятием для гораздо более продвинутого пользователя (<https://hi-tech.mail.ru/news/52359-kak-rossiya-20-let-razvivala-internet-i-ostavila-pozadi-bolshinstvo-stran-evropy/>; <https://expert.ru/tekhnologii/tridtsat-let-v-seti/?ysclid=mo5o5rm16b908659087>). В настоящее же время слово «баг» в значении «ошибка кода» и его дериваты («забагованный») понятны широкому числу носителей языка, особенно представителям младшего поколения, в то время как раньше это было слово исключительно из жаргона специалистов [5, с. 51].

Отчасти ориентированностью на массового и не слишком погруженного в тему читателя можно объяснить тот факт, что для консультации не был привлечен специалист, разбирающийся в IT-сфере. Кроме того, в девяностые и, отчасти,

нулевые годы многие издательства ориентировались на количество переводов и скорость их выполнения, нежели на качество. Отсюда на рынок поступали откровенно сырые либо полные ошибок переводы, не проходившие должной редактуры. Переводчик, скорее всего, выполнял заказ от издательства, то есть вряд ли лично выбирал произведение для перевода и не имел глубокой эмоциональной заинтересованности в знакомстве русскоязычного читателя с произведением о жизни тестировщиков. С осторожностью можно выдвинуть предположение о поле переводчика, поскольку, как уже было сказано ранее, для IT-сферы (и тех, кто просто интересуется данной тематикой в рунете) тогда был характерен гендерный перекос в сторону мужского пола.

Следующий отрывок демонстрирует наличие культурной лакуны, которую на тот момент переводчик никак не мог преодолеть:

Mom asked me, “What, exactly, is the difference between *a nerd* and *a geek*?”
[26, p. 162]

Мама спросила у меня:

– А в чем разница между *ботаником* и *занудой*? [15, с. 199]

Буквальный перевод сленговых обозначений людей, увлеченных поп-культурой, научной фантастикой, техническими новшествами и т.д. приводит к тому, что их субкультурная принадлежность заменяется презрительной оценочной характеристикой. В «Словаре современного молодежного жаргона» М. А. Грачева, изданного в 2006 году, мы не находим определений «нерда» и «гика». С большой долей уверенности можно сказать, что ассимиляция этих типичных западных образов с наложением характеристик на образ русского «ботаника» произошла позднее, став социокультурным феноменом 2010-х гг. Безусловно, переводчик должен быть человеком поликультурных взглядов и компетенций, однако, в современном мире важной становится и полисубкультурность, что можно по аналогии определить как способность понять и проникнуть в жизнь тех, кто для большинства членов общества воспринимается как инаковый, отличающийся

элемент. Наличие или отсутствие подобной компетенции, в нашем представлении, также является характеристикой языковой личности переводчика.

Mom said, “Oh you kids! I guess I’m just *not in the loop*.” [26, p. 163]

Один из персонажей романа говорит о выделенном в выражении как о модной фразе, которая должна в скором времени приестся и устареть, то есть это – своеобразный *мем* той эпохи.

– Ох, детки! Наверное, я просто *не в петле* [15, с. 199].

Переводчику, однако, не удастся ухватить суть выражения и найти соответствующий эквивалент для своего времени, например, «*быть в курсах*». Этот пример становится еще один маркером субкультурной лакуны, в результате чего читателю оказывается недоступны вся полнота смыслов оригинала.

Вместе с тем, стоит отметить, что общий посыл, настроение произведения были передан верно, и в отрыве от ошибок и неудачных адаптационных решений, затрудняющих понимание культурной (технической, профессиональной, субкультурной) составляющей, текст соответствует критериям ясности, связанности и цельности.

Таким образом, нами произведена условная реконструкция языковой модели мира, произведена попытка выявления ситуативных установок процесса порождения текстов, цель которой состояла в демонстрации культурологического потенциала анализа текстовых несоответствий, в нашем случае текстовой ошибки. В нашем представлении, исследования в этой области могут способствовать углублению знаний по вопросу культурного пространства, в частности, культурного пространства текста переводного произведения. Комплексная методика эрратологического анализа, интегрирующая культурологические и лингвистические аспекты изучения текста, контекстуальный анализ и анализ межъязыковых сопоставлений для исследования нескольких переводов разных текстов, выполненных одним переводчиком, для анализа переводческих решений с высокой степенью творческой реализации (улучшения, трансформации, использование неологизмов и т.д.) с привлечением опыта эрратологического анализа текста

позволит глубже изучить языковую личность переводчика, интерпретационные процессы в культурологическом разрезе, языковую картину мира конкретного переводчика, переводчика художественной литературы в целом, в определенные эпохи или десятилетия. Увеличение количества материалов, связанных с некоторыми современными переводчиками (интервью, лекции) и возможность общения с ними напрямую (в социальных сетях и по почте) дают возможность для корректировки исследований, наполнения их точными фактологическими данными.

Культурологический подход рассматривает ошибки текста при межъязыковой передаче как факты культуры, как характеристику того культурного пространства, в которое текст оказывается перенесен. Такое понимание позволяет выявить культурные коды, которые не всегда доступны при поверхностном анализе текста, а также способствует изучению языковую личность переводчика, занимающую активную позицию по преобразованию культурного пространство. Культурный и исторический контекст создания оригинала и перевода переносятся на интерпретатора, каждый конкретный перевод могут служить примерами не некой отвлеченной, а частной языковой личности, частного восприятия текста, а также отражения частных картин мира и культурного пространства, благодаря чему достигается введение в исследование человеческого фактора.

Ошибки перестают восприниматься исключительно как недостаток профессионализма переводчика. Вставая в один ряд с переводческими трансформациями, ошибки и неточности становятся такими же полноправными маркерами результата работы по культурному переносу текста, служат характеристикой языковой личности. С нашей точки зрения, методологический аппарат эрратологии, адаптированный под нужды лингвокультурологического исследования текста, позволяет выявлять социальные и культурные обусловленности ошибок в практике текстопорождения. Такая трансформация подхода соответствует поставленной цели разработки методологии анализа, поскольку обеспечивает переход от

поверхностной фиксации неточностей к их содержательной интерпретации в рамках культурологического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова, А. А. Преодоление семиотической границы посредством переводческих стратегий / А. А. Волкова, В. М. Карелин // *Философская мысль*. – 2022. – № 4. – С. 1-11.

2. Воробьев, В. В. Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии / В. В. Воробьев // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. – 2015. – № 13 (724). – С. 217-226.

3. Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2007. – 542 с.

4. Гончар, Н. Г. Асимметрия текстов в переводческом пространстве / Н. Г. Гончар // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2008. – № 21. – С. 62-69.

5. Грачев, М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – Москва : Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с.

6. Гурова, Ю. И. Основные направления типологии перевода в эпоху ренессанса и в эпоху индустриального капитализма / Ю. И. Гурова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2012. – № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. – С. 51-54.

7. Даниленко, В. П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера / В. П. Даниленко // *Филология и человек*. – 2009. – № 1. – С. 7-17.

8. Ивлева, А. Ю. Культурное пространство художественного текста: от символа-предела к символу-образу : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук /

Ивлева Алина Юрьевна ; Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. – Саранск, 2009. – 344 с.

9. Ивлева, А. Ю. Роль читателя в создании художественного пространства текста / А. Ю. Ивлева // Вестник ЧелГУ. – 2009. – №5. – С. 37-42.

10. Ивлева, А. Ю. Смыслопорождение культурного пространства художественного текста / А. Ю. Ивлева // Вестник ВятГУ. – 2008. – №4. – С. 121-126.

11. Казбекова, Е. В. Читатели XIII–XV вв. и их отношение к ошибкам в сводах декретального права / Е. В. Казбекова // Человек читающий : между реальностью и текстом источника / Под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского. – Москва : ИВИ РАН, 2011. – С. 136-162.

12. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

13. Кирюшина, О. В. Специфика контроля и методические приемы коррекции ошибок в обучении иностранному языку / О. В. Кирюшина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – №2. – С. 1-5.

14. Косякова, Ю. Г. Культурологический компонент как основа формирования языковой личности / Ю. Г. Косякова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4 (37). – С. 95-99.

15. Коупленд, Д. Рабы «Майкрософта» / Д. Коупленд ; пер. с англ. Н. Федуро. – Москва : АСТ, 2005. – 496 с.

16. Кошарная, С. А. Миф и язык / С. А. Кошарная. – Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. – 287 с.

17. Лавринова, Н.Н. Культурологический аспект изучения теорий языковой личности /Н. Н. Лавринова // Аналитика культурологии. – 2005. – №.3. – С. 83-85.

18. Мордовская, Е. В. Особенности перевода когнитивных пространств в структуре знаний говорящего : специальность 10.02.20 «Сравнительно-истори-

ческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации кандидата филологических наук / Мордовская Елена Вячеславовна ; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2006. – 22 с.

19. Первушина, О. В. Концепт «Картина мира» в системе культурологии и социально-гуманитарных наук / О. В. Первушина // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – №.5. – С. 148-153.

20. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : Аст: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

21. Попова, Т. В. Лингвистика дефектного текста / Т. В. Попова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 133-138.

22. Псху, Р. В. Ситуативная герменевтика как историко-философский метод исследования восточных философских текстов : специальность 09.00.03 «История философии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Псху Рузана Владимировна ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2017. – 58 с.

23. Степанова, Ю. В. Языковая личность и аспекты ее изучения / Ю. В. Степанова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1 – С. 186-192.

24. Шевнин, А. Б. Эрратология: теория ошибок и переводческих несоответствий / А. Б. Шевнин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2005. – № 11 (51). – С. 111-113.

25. Овчинникова, И., Павлова, А. Смысловые ошибки переводчиков в психолингвистическом аспекте. / И. Овчинникова., А. Павлова // Instrumentarium of Russian Linguistics : Errors and Multilingualism. Slavica Helsingiensia 45. – 2014. – P. 243-260

26. Coupland, D. Microserfs. / D. Coupland. – Harpercollins, 2004. – 388 p.

POTENTIAL OF ERRATOLOGY FOR CULTURAL STUDIES**EROFEEV Andrey Alexandrovich**

Graduate Student

Scientific supervisor: IVLEVA Alina Yurievna

Doctor of Philosophy, Professor

Scientific Research Institute for the Humanities
under the Government of the Republic of Mordovia
Saransk, Russia

This article examines translation errors and inaccuracies as phenomena of interpretative practice, reflecting the individual outcome of interlingual and intercultural interaction. The linguocultural approach defines errors as parts of a system with diagnostic potential, which makes it possible to identify cultural codes, study the translator's linguistic identity and explore the structures of cultural space. Errors are interpreted as markers of cultural differences not only between languages, but also between the producer and the interpreter of the text.

Keywords: linguacultural studies, cultural space of the text, interpretative practice, erratology, worldview, linguistic worldview, linguistic personality, thesaurus.